

М.А. ШЕБАНОВА

СТРУКТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Теория мировой политики – это относительно новая научная дисциплина, предметное поле и категориальный аппарат которой продолжают формироваться. Мировая политика понимается, как правило, шире международных отношений. Эта сфера включает взаимодействия не только государств, но и транснациональных акторов. Поэтому ее анализ гораздо сложнее классических теорий международных отношений (хотя некоторые концепции продолжают рассматривать их как ядро мировой политики.)

Центральным для многих теоретических работ в данной сфере является вопрос выбора (или конструирования) модели, которая в наибольшей степени подходит для описания мировой политики в структурном измерении, особенно в свете новых тенденций мирового развития. Отметим, что, отвечая на этот вопрос, политологи часто исходят из понимания мирового развития в целом, их работы скорее междисциплинарные, нежели чисто политологические.

Крайние позиции в этой дискуссии можно обозначить через приверженность идеям «системы» либо «хаоса». Изложим соответствующие подходы.

Системное описание мировой политики во многом полагается на некоторые теории глобализации, рассматривающие этот процесс как непрерывное усиление взаимозависимости обществ, образование единого глобального социума. Развивая эти идеи, некоторые исследователи идут дальше и говорят о формировании «мировой системы». Модель мир-системы одним из первых пред-

ложил И. Валлерстайн в 1970-е годы, и сегодня его теория считается одной из основных теорий глобализации и одновременно предтечей глобализационных исследований [Чешков, 1998; Robinson, 2007b]. Для Валлерстайна важно не только существование связей между обществами как элементами мир-системы, но также характер этих связей, их способность влиять на структуру отдельных обществ [Wallerstein, 1974, p. 3–11; Wallerstein, 1978, p. 4]. И. Валлерстайн и его последователи видят в качестве источника формирования мировой системы экономическую интеграцию. Согласно данной концепции, структура мир-системы – это структура капиталистической мир-экономики, когда отдельные общества становятся частью глобального предприятия и на основе международного разделения труда воспроизводятся отношения эксплуатации и неравенства в мировом масштабе. Политические отношения надстраиваются над экономическими, центром мир-системы признаются государства «демократического ядра», а другие участники вовлекаются в систему независимо от их воли и позиционируются относительно этого центра. По инициативе центра формируются всеобщие и закрытые структуры глобального регулирования. Другие теоретики меньше склонны к экономическому детерминизму и утверждают, что наступление глобализации означает, что «сегодня мир стал воистину единой социальной системой» [Осипова, 2006]. Все более широкое распространение получает термин «глобальное общество» как сообщество всех людей мира, которое обретает институциональную матрицу и становится объектом системного анализа [см.: Transition to a global society, 1993]. Р. Робертсон писал, что концепт глобализации как взаимосвязанности мира предполагает приложение модели социальной системы Т. Парсонса к мировому целому [Robertson, 1992, p. 8]. Дж. Модельски также использует «парсонсианский подход» и описывает «мировой системный процесс» на основе «функциональной дифференциации», происходящей «в современную эру» на глобальном уровне, когда «появляются глобальная финансовая, культурная, социетальная подсистемы» [см.: Чихарев, 2005]. Особое внимание теоретик уделяет политической подсистеме. Некоторые авторы делают «акцент на информации как основе структурирования современного мира» [см.: Чихарев, 2005], считая системообразующим компонентом информационную сферу. Помимо целостно-

сти, внутренней интегрированности компонентов системный анализ мирового социума предполагает синергию, т.е. формирование нового качества целого, несводимого к простой сумме его частей. Несмотря на различия в подходах, сторонники мир-системных теорий стоят на позиции «глобального детерминизма», объясняя частные ситуации не действиями внутренних сил, а внешними факторами – изменением всей мировой системы или «системы взаимодействий между обществами» [Terlouw, 1995].

Формирование мировой политики, которая, по мнению многих исследователей, вырастает из международных отношений, связывается с обретением общности, целостности, единства мира, а также с тенденцией к обретению глобальным социумом системных свойств. Особое внимание уделяется формированию системы отношений власти на мировом уровне. Например, Дж. Модельски описывает становление мировой политики как политической подсистемы, выделившейся в современную эпоху в ходе функциональной дифференциации из глобальной системы [Чихарев, 2005]. Формирование глобальной политической системы он, как и другие исследователи, связывает со становлением институциональной структуры и эволюцией политических институтов, «ростом числа официальных организаций» [Модельски, 2005]. М.М. Лебедева, автор первого российского учебника по мировой политике, также считает, что одной из основных категорий этой дисциплины должно стать понятие «политическая система мира», и указывает на ее иерархичность, утверждая, что глобальный уровень «задает коридор» функционирования более низких политических уровней – регионального, национального и локального [Лебедева, 2007, с. 346]. Автор говорит о «глобальном переходе» как о «создании политической структуры мира (...) действительно во всемирном масштабе» [Лебедева, 2007, с. 101]. А.Д. Богатуров отмечает, что «мирополитическая традиция» как альтернатива теории международных отношений возникла на основе системного подхода, одним из важнейших положений которого стал тезис о несводимости мировой политики к сумме политик, проводимых государствами. Особый предмет мировой политики, отличной от международных отношений, стал разрабатываться на базе идеи, что без анализа политической системы мира в целом невозможно объяснить ни

внешнюю политику отдельных государств, ни другие явления международной жизни [Кокошин, Богатуров, 2005].

Есть множество сторонников системного подхода среди западных теоретиков. Они фиксируют целостность и иерархичность мировой системы управления и власти, хотя их модели различаются. Распространена модель империи, в которой центральным элементом признаются США или коалиция западных стран, контролирующая различные структуры глобального управления. Например, согласно Дж. Модельски, политическая система строится на основе империи и мирового лидерства. У. Робинсон предлагает модель «транснационального государства», в котором институты глобального управления подчинены не нациям, а транснациональным силам. Национальные правительства, как низовой уровень структуры глобального управления, становятся проводниками политики и интересов транснациональных игроков по мере включения государств в систему глобального капитализма [Robinson, 2007a].

Обобщим и частично дополним принципы системного подхода словами А.Д. Богатурова и А.В. Виноградова: «Системная общность (...) однородна в тенденции. Системность связана с представлением о единстве исторического процесса. В теории мирового развития на логике системности построены такие важные постулаты, как взаимозависимость и интеграция. В свою очередь из историко-философской школы системности вышла теория модернизации, а в рамках ее историко-политического направления возникла концепция глобализации» [Богатуров, Виноградов, 2002].

В поисках истоков концепций системности ученые указывают, что она сформирована на осмыслении западного опыта [Богатуров, Виноградов, 2002]. По утверждению М.А. Чешкова, абсолютизация системного видения восходит ко времени зарождения идей Римского клуба, которые стали ядром системной философии [Чешков, 1999]. Речь идет главным образом о линейно-прогрессивных моделях мировой системы и ее эволюции.

В последнее время эти концепции все больше подвергаются критике. После долгих лет «упоеания конвергентностью» исследователи предлагают «критичнее взглянуть на проблему единства мира» [Богатуров, Виноградов, 1999].

Во-первых, переосмысливается видение политического порядка, высказывается сомнение по поводу самой возможности

существования единой централизованной иерархии власти и управления в мировом пространстве. Многие теоретики разделяют представления о полицентричной модели мирового порядка [Kupchan, 1998], однако в таком случае возникает вопрос, корректно ли говорить о «многополярной системе» как о системе, поскольку множественность центров власти свидетельствует о неупорядоченности властных отношений. На сферу мировой политики ученые также накладывают концептуальные схемы многомерного мирового порядка, подчеркивая принципиальную невозможность его централизации, поскольку в каждой сфере выделяются свои центры влияния и расстановки сил, которые невозможно свести в одну плоскость [Nye, 2002; Nye, 2004]. Анализируя институты глобальной власти и управления, Э.Я. Баталов утверждает, что их отношения не имеют системного характера и не образуют единой глобальной структуры [Баталов, 2005, с. 226]. Автор отмечает, что «все более относительными становятся понятия “центра” и “периферии” в политической жизни: структуры и пространства, выступающие в качестве “центра” в одном отношении, оказываются “периферией” в другом отношении, и наоборот. С этой точки зрения представления о возможности существования в течение более или менее длительного времени единого универсального глобального центра силы, или так называемого униполя – *unipole* – иначе как наивными и архаичными не назовешь» [Баталов, 2004]. Подобной точки зрения придерживается А.И. Соловьев, отмечая «высокий уровень хаотизации мировых порядков», несогласованность действий различных участников трансграничных процессов. Автор полагает, что лидерские интенции даже наиболее влиятельных групп не способны привести к формированию единого глобального центра власти [Соловьев, 2007, с. 19]. М.А. Чешков утверждает, что «информационная революция и “детерриторизация” капитала влекут за собой размывание оси “центр–периферия”, ибо разрушается сам принцип центризма в построении мироцелостности. Соответственно вместо прежней дихотомии “Север–Юг” возникают новые формы неравенства, распадается и трансформируется такое мироисторическое образование, как общность развивающихся стран (бывший Третий мир)» [Чешков, 1999]. Даже автор наиболее популярной модели мир-системы, И. Валлерстайн, в своей новой книге говорит о трансформации центр-периферического по-

рядка, утверждая, что ему на смену «приходит долгий период хаотической трансформации мир-системы» и что «его структурные возможности приспособления исчерпали себя» [Баталов, 2003]. Постклассический марксизм констатирует образование новых форм организации власти и мирового порядка: современные его версии признают отсутствие единого центра управления политическими процессами в мире, и даже нескольких таких центров [Торкунов, 2004, с. 42]. Здесь можно увидеть сближение с идеями представителей школы постклассического либерализма Дж. Розенау и Э.-О. Шемпелья, которые предлагают концепцию глобального «управления без правительства» («governance without government») [Rosenau, Czempiel, 1992]. Эти и другие теоретики новой версии либерализма отмечают дисперсию власти в мире на основе развития рыночных отношений, роста значения горизонтальных связей и трансграничных институциональных сетей в мировой политике и т.д. Схожим образом новый мировой порядок («new universal order») описывают М. Хардт и А. Негри в своих всемирно популярных книгах «Империя» [Hardt, Negri, 2000] и «Множественность» [Hardt, Negri, 2004]. Мир в их представлении – это децентрализованная «империя», не знающая национальных границ, которая фундаментально отлична от империализма европейского доминирования и капиталистической экспансии прошлых эпох. В ее властной структуре нет центра, она реализуется в «множественности» (авторы определяют этот термин несколько размыто), в практиках различных акторов, номадов и космополитов, которые развивают собственные проекты. Российский политолог А.И. Неклесса называет складывающийся мировой порядок «нестационарной системой мировых связей», подчеркивая ее хаотизацию и нарастающую дисперсию власти. Такой модели в его представлении соответствует полифония автономных индивидуальных и групповых проектов, вступающих в конфликт с централизованной иерархией [Неклесса, 2001].

Подвергаются критике не только представления об упорядоченности политической сферы на основе единой иерархии институтов, но и общие принципы системного описания мироцелостности. Развиваются концепции, описывающие хаотизацию мира, высокую степень энтропии мировых систем. Специалисты отмечают, что «мир на глазах теряет былую устойчивость» [Баталов,

2004] и что «хаотическое развитие мира, не укладывающееся в прокрустово ложе политического упрощенчества, подводит черту под идеологические императивы (...) XX в.» [Володин, 2006]. Мир описывается как «область спонтанности и вечного экспериментирования с неопределенными и практически непредсказуемыми последствиями» «как полная противоположность представлениям о порядке» [Бауман, 2002]. Большое распространение в описании культурных (в предельно широком смысле) сдвигов в современную эпоху получили концепции постмодернизма, маркерами которого являются хаос, разрушение иерархий, неопределенность.

Для уточнения терминов нужно отметить, что в обществознании исследователи используют математические категории, но без математической точности. В частности, понятие хаоса чаще употребляется как обыденное или мифологическое – в значении беспорядка, смешения, бесформенной совокупности. В математической теории хаоса данное понятие определено более точно – как особое состояние или свойство нелинейной динамической системы, которое противоречит интуитивному пониманию неустойчивости, неупорядоченности (т.е. оно связано со «сверхчувствительностью» системы к начальным условиям, в результате чего невозможно делать долгосрочные прогнозы ее поведения.)

Со становлением постнеклассической науки концепции холизма и детерминистические модели замещаются идеями вероятности, неопределенности, постмодернистскими теориями, стремящимися преодолеть односторонность представлений о целостности и системности мира. Гетерогенность, гибридность признаются как его естественное состояние. Происходит отказ от линейного видения социальной динамики. Описывается мир, в котором «особенное обладает собственной логикой, а не предстает эманацией всеобщего» [Чешков, 1998].

В связи с этим нужно сказать еще об одном принципе постнеклассической науки: о смещении фокуса на субъективное начало в общественных отношениях. Центром композиции в такой картине мира выступают индивиды, они рассматриваются как его творцы, а не как марионетки в «невидимых руках» «объективных» закономерностей общественного развития. Именно человек, обладающий возможностью свободного выбора, выступает основным источником неопределенности в недетерминированном мире.

С одной стороны, это общие тенденции развития науки. Как указывает М.А. Чешков, в общественном знании принцип системостратизма расшатывается по мере того как в синергетике, диатропике и связанных с ними областях математики предметом исследования все больше становятся объекты несистемного класса (мозаичные образования, неопределенные множества) [Чешков, 1999]. С другой стороны, постнеклассические концепции полагаются на современные тенденции эволюции обществ. Отмечаются хаотизация устоявшихся порядков, распад существовавших ранее структур и традиций. Как пишет Ж.-Ф. Лиотар, «временные контракты вытесняют постоянные институты» во всех областях жизни, в том числе и в области политики [Lyotard, 1984, p. 66]. Гетерогенность мира нарастает с ростом числа и многообразия игроков на мировой арене, имеющих различные интересы и являющихся носителями альтернативных вариантов порядка [Чешков, 2005, с. 37]. В том числе отмечается «резкая активизация индивида», «стремящегося стать “вселенским” человеком», претендующего на роль носителя общечеловеческих норм и принципов [Чешков, 1999]. Для политического процесса на планетарном уровне еще больше, чем на страновом, характерна разнонаправленность векторов развития за счет этой множественности агентов. На основе этих предпосылок происходит релятивизация системного подхода в осмыслении мироцелостности.

Безусловно, важно осознавать наивность детерминистских моделей мировой системы, однако подход, признающий хаотическое развитие мира, может оцениваться как аморфный, не обладающий высокой эвристической ценностью, поскольку, по сути, признает бессилие исследователей перед его сложностью и непознаваемостью. Поэтому продолжается поиск моделей структурирования мира. Системный подход не отвергается полностью, а пересматривается. Теоретическая мысль в осмыслении мирового развития движется от линейно-прогрессивных моделей к моделям нелинейных динамических систем. Исследуется потенциал синергетики в приложении к изучению общества и в отдельности политической сферы. Синергетика считается одним из главных достижений постнеклассической науки. Названная «наукой о самоорганизации и неустойчивости» («теория диссипативных структур», «теория динамического хаоса»), она стала развиваться в 1980-е годы, вырабатывая методы нелинейного анализа сложных систем [Бородкин,

2005]. Первоначально ее методы использовались в математике, однако она стала проникать в гуманитарные исследования, претендуя на универсальность своей методологии, которая осваивается политологами как минимум на уровне понятийно-категориального аппарата.

Что касается применения математических моделей нелинейных систем (в том числе упомянутой теории хаоса) к анализу общественных процессов, известны примеры анализа отдельных фрагментов истории либо узких проблем современности, но нет построений, адекватных мировому развитию в целом. Пока только говорится о потенциале нелинейных функций и об их ограничениях, а также о рисках практического применения в управлении сложными системами, связанных с непредсказуемостью их поведения. Сегодня, используя терминологию синергетики, можно в общих чертах описать мировой социум как сверхсложную самоорганизующуюся систему, которая малодетерминирована, в значительной степени вариативна, ее динамика определяется множеством факторов и т.д. Но такое описание не более плодотворно, чем заключение о неупорядоченности, хаотичности мира и отношений власти в нем, оно не дает дополнительных оснований для практически значимых выводов в понимании отдельных явлений политической сферы.

Более продуктивные компромиссы между различными концепциями системы и хаоса, учитывающие критику классических системных подходов, могут быть найдены в гибридных моделях. Признается, что «системность не является единственной формой организации человечества, но лишь одной из возможных наряду с другими, например, конгломеративностью, мозаичностью, суммативностью, неопределенной множественностью» [Чешков, 1998]. На основе такого понимания ученые делают попытки описать мироцелостность при одновременной разобщенности ее элементов, учесть в своих построениях одновременное развитие тенденций к хаотизации и тенденций к систематизации мира и сферы мировой политики. С точки зрения М.А. Чешкова, более точно структура мира может быть определена понятием «совокупность», или «полисистема», возможное разнородного состава которой достигается за счет «конституирующей роли связей, их гибкости и подвижности (потoki, сети, сети потоков)» [Чешков, 1999]. В других

работах автор говорит о трансформации «миробытия», переходе от системности к мозаичности, когда оно становится «образованием, разнородным по составу (...) но взаимосвязанным» [Чешков, 2008]. В этом же ключе развивается такое исследовательское направление, как «новый универсализм», который не предполагает полной подчиненности частного и особенного всеобщему и целому. Его представитель политолог Д. Слейтер полагает, что мироцелостность по своей природе плюральна и сочетает черты системности и дисистемности [см.: Ионов, 2001, с. 130]. И.А. Чихарев, описывая «мировую политику» как сферу, которая «конструируется взаимодействием различных субъектов мировой политики», также говорит о ее «полиструктурности как о важной характеристике» [Чихарев, 2005].

Исследователи А.Д. Богатуров и А.В. Виноградов противопоставляют одномерной линейно-прогрессивной модели системы «анклавно-конгломеративный тип самоорганизации» [Богатуров, Виноградов, 2002] (или, иначе, модель равноположенного развития [Богатуров, Виноградов, 1999]). Согласно авторам, «конгломеративность тоже воплощает единство, но единство конгломерата – соединение разносущностей, а не слитность в однородности; это единство “по внешнему контуру”, через со-развитие разного, а не через слияние в одинаковом» [Богатуров, Виноградов, 2002]. Ученые выделяют в конгломерате мироцелостности анклавы «традиционного» и «современного», показывая возможность существования альтернатив «поглощающей линейности» глобализационного тренда. Также их научно-теоретическая позиция позволяет им утверждать, что «глобализация не отменяет фрагментации мира» и что это «две равноположенные тенденции» [Богатуров, 2002] (М.А. Чешков пишет, что «глобальность характеризует лишь один из аспектов эволюции человечества» [Чешков, 1999]).

Развивая общую идею исследователей о параллельном существовании разнородных анклавов в обществе-конгломерате и равноположенном развитии различных логик мировой эволюции, можно заключить, что мир в структурном измерении представляет собой сплав иерархий, сетей и хаоса. В сфере мировой политики присутствуют как фрагменты разнонаправленных неупорядоченных взаимодействий, так и элементы порядка, системы. Такой под-

ход позволяет интегрировать различные представления об этой сложной среде.

Итак, если говорить о мировой политике в целом, то основной принцип интеграции этой сферы – это принцип конгломерата. Точнее, данная модель оказывается наиболее эвристичной в анализе мировой политической динамики.

Многомерность мирового социального пространства и множественность акторов не позволяют выстроиться в единую иерархию отношений власти на планетарном уровне. Они институционализированы лишь частично, существующие институты не универсальны и не образуют общей структуры, наподобие политических систем государств. В мире нет центра управления и власти, аналогичного национальному правительству, вокруг которого сосредоточена политическая конкуренция всех игроков.

Даже если мировое целое и политическая сфера в частности обладают системными свойствами (что вероятно), эту систему сложно смоделировать и тем более рассматривать как управляемую. На нее можно воздействовать, но это воздействие часто имеет непредсказуемые последствия. Слишком высокая степень вариативности понижает продуктивность такой модели.

Описывая мировую политику как конгломерат, в ней можно выделить системы отношений, складывающиеся на основе различных логик и принципов, сочлененные вертикальными или горизонтальными связями либо не связанные между собой непосредственно. Выстраиваются отдельные порядки (или режимы). Мировой конгломерат включает в том числе и обширные иерархически выстроенные зоны структурного господства, формирование которых отвечает интересам тех или иных акторов [см.: Шебанова, 2012], и сферу политико-экономического господства в рамках системы «глобального капитализма», которая, однако, не является тотальной (как утверждают некоторые авторы). При этом ключевыми структурами в выработке решений часто оказываются коммуникативные сети, существующие неформально, а не институциональные иерархии. Многие отношения в мире спонтанны, непостоянны и не упорядочены – ни законом, ни традициями, ни принципами экономической целесообразности. В целом мировой конгломерат фрагментирован, в нем нет единого и единственного вектора эволюции, а также общего прин-

ципа организации отношений власти и управления. Этим объясняется разнообразие концепций мирового развития.

Литература

- Баталов Э.Я.* Долгое соло Валлерстайна // *Международные процессы*. – М., 2003. – Т. 1, № 3. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/three/015.htm> (Дата посещения: 10.08.2012.)
- Баталов Э.Я.* Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). – М.: РОССПЭН, 2005. – 374 с.
- Баталов Э.Я.* Предмет философии международных отношений // *Международные процессы*. – М., 2004. – Т. 2, № 1. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/four/001.htm> (Дата посещения: 10.08.2012.)
- Бауман З.* Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
- Богатуров А.Д.* Современный мир: система или конгломерат? Опыт транссистемного подхода // Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений: Научно-образоват. форум по междунар. отношениям. – М., 2002. – С. 129–144. – Режим доступа: <http://obraforum.ru/pdf/Essays-bogaturov-chapter6.pdf> (Дата посещения: 10.08.2012.)
- Богатуров А.Д., Виноградов А.В.* Анклавно-конгломеративный тип развития. Опыт транссистемной теории // *Восток – Запад – Россия*: Сб. ст. к 70-летию академика Н.А. Симони. – М.: Прогресс – Традиция, 2002. – Режим доступа: <http://obraforum.ru/pdf/MIROC-sim.pdf> (Дата посещения: 10.08.2012.)
- Богатуров А.Д., Виноградов А.В.* Модель равноположенного развития: Варианты «сберегающего» обновления // *Полис*. – М., 1999. – № 4. – С. 60–69. Режим доступа: http://polis.isras.ru/files/File/publication/1999-4/1999_4_Bogaturov_Vinogradov.pdf (Дата посещения: 10.08.2012.)
- Бородкин Л.И.* Методология анализа неустойчивых состояний в политико-исторических процессах // *Международные процессы*. – М., 2005. – Т. 3, № 1. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/seventh/001.htm> (Дата посещения: 10.08.2012.)
- Володин А.Г.* Свободная геометрия: Новая парадигма мировой политики // *Политический журнал*. – М., 2006. – № 13 (108). – Режим доступа: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=73&tek=5463&issue=154> (Дата посещения: 10.08.2012.)
- Ионов И.Н.* Историческая глобалистика: Предмет и метод // *Общественные науки и современность*. – М., 2001. – № 4. – С. 123–137. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/366/424/1218/iONOWx20i.n.pdf> (Дата посещения: 10.08.2012.)
- Лебедева М.М.* Мировая политика: Уч. для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 365 с.

- Мировая политика: Теория, методология, прикладной анализ / Под ред. Кокошина А.А., Богатурова А.Д. – М.: КомКнига, 2005. – 432 с. – Режим доступа: http://www.obraforum.ru/Mirovaja_politika/titul.htm (Дата посещения: 10.08.2012.)
- Модельски Дж.* Эволюция глобальной политики (I) // Полис. – М., 2005. – № 3. – С. 62–82.
- Некlessа А.И.* Управляемый хаос, движение к нестационарной системе мировых связей // Русский архипелаг. – 2001. – Режим доступа: <http://archipelag.ru/geoeconomics/osnovi/universe/chaos> (Дата посещения: 10.08.2012.)
- Осинова Н.Г.* Социологическое осмысление феномена глобализации: Основные теоретические подходы // Глобализация и социальные изменения: Мат-лы науч. конференции 2006 г.: Сб. науч. докладов. – Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru> (Дата посещения: 10.08.2012.)
- Современные международные отношения и мировая политика: Уч. / Торкунов А.В. (отв. ред.). – М.: Просвещение, 2004. – 991 с.
- Соловьев А.И.* Глобальная власть и глобальное управление // Глобальное управление / Под ред. А.И. Соловьева. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 251 с.
- Чешков М.А.* Глобализация: Сущность, нынешняя фаза, перспективы // Pro et contra. – М., 1999. – Т. 4, № 4. – С. 114–127.
- Чешков М.А.* Глобалистика: Предмет, проблемы, перспективы // Общественные науки и современность. – М., 1998. – № 2. – С. 129–139. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/313/693/1231/013Cheshkov.pdf> (Дата посещения: 10.08.2012.)
- Чешков М.А.* Глобальность как базовое понятие глобалистики // Век глобализации. – М., 2008. – № 2. – С. 3–11. – Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129848/> (Дата посещения: 10.08.2012.)
- Чешков М.А.* Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. – М.: НОФМО, 2005. – 224 с.
- Чихарев И.А.* Многомерность мировой политики (к современным дискуссиям) // Полис. – М., 2005. – № 1. – С. 161–172. – Режим доступа: <http://www.worldpolit.ru/index.php?option=content&task=view&id=47> (Дата посещения: 10.08.2012.)
- Шебанова М.А.* Международная бюрократия как слой транснациональных политических элит // Полис. – М., 2012. – № 1. – С. 136–148.
- Transition to a global society // Bushrui S., Ayman I., Laszlo E. (eds). – Oxford One-world Publications, 1993. – 176 p.
- Hardt M., Negri A.* Empire. – L.: Harward univ. press, 2000. – 478 p. – Режим доступа: http://www.angelfire.com/cantina/negri/HAREMI_printable.pdf (Дата посещения: 10.08.2012.)
- Hardt M., Negri A.* Multitude: War and democracy in the age of empire. – N.Y.: The Penguin Press, 2004. – 427 p.
- Kupchan C.A.* After Pax Americana: Benign power, regional integration and the sources of a stable multipolarity // International security – Cambridge, MA, 1998. – Vol. 23, N 2. – P. 40–79.

- Lyotard J.-F.* The postmodern condition: A report on knowledge. – Manchester: univ. press, 1984. – 110 p.
- Nye J.Jr.* Soft power: The means to success in world politics. – N.Y.: Public Affairs, 2004. – 208 p.
- Nye J.Jr.* The paradox of American power: Why the world's only superpower can't go it alone. – N.Y.: Oxford univ. press, 2002. – 240 p.
- Robertson R.* Globalization: Social theory and global culture. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1992. – 224 p.
- Robinson W.I.* Beyond the theory of imperialism: Global capitalism and the transnational state // Societies without borders. – Leiden, the Netherlands, 2007a. – Vol. 2. – P. 5–26.
- Robinson W.I.* Theories of globalization // Blackwell companion to globalization / Ritzer G. (ed.). – L.: Blackwell, 2007b. – Mode of access: <http://www.soc.ucsb.edu/faculty/robinson/Assets/pdf/theoriesofglobalization.pdf> (Дата посещения: 10.08.2012.)
- Rosenau J.N., Czempiel E.-O.* Governance without government: Order and change in world politics. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1992. – 324 p.
- Terlouw K.* Is the world-system approach just a global perspective? // Journal of world-systems research. – Santa Cruz, CA, 1995. – Vol. 1, N 20. – P. 1–18. – Режим доступа: http://jwsr.ucr.edu/archive/vol1/v1_nk.php (Дата посещения: 10.08.2012.)
- Wallerstein I.* The modern world-system: Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. – N.Y.: Academic Press, 1974. – 410 p.
- Wallerstein I.* The capitalist world-economy. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1979. – 320 p.